

более приемлемое *ěs(k)nъ*, ср. совершенно аналогичное (ниже по алфавиту) *těs(k)nъ*; при отборе вариантов мы предпочли бы *gnusъnъ*, а не *gnosъnъ*, отнеся второе к более позднему, вторичным проявлениям назализации; вместо *kurъa* логичнее говорить о праслав. *kury* (род. *kurъve*); *dqti*, *dъmetъ* и *duti*, *dujetъ* имело бы смысл рассматривать на праславянском уровне как самостоятельные словарные позиции, достаточно старые формы с отличиями в употреблении и значении.

Эти несколько замечаний и уточнений, не претендующих на полноту, по-своему могут свидетельствовать о деловом интересе, вызываемом данной полезной публикацией, которая внесет свой конкретный вклад в наши общие представления о структуре праславянского словаря.

О. Н. Трубачев

L. Sadnik, R. Aitzetmüller. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen, Lief. 2. Wiesbaden, 1964, стр. 59—138

В предыдущем томе «Этимологии» мы откликнулись краткой рецензией на выход в свет нового словаря Садник и Айцетмюллера. Перед нами второй выпуск этого словаря, содержащий часть буквы *b*. Принципы, на которых строится этот оригинальный труд, были охарактеризованы нами в рецензии на первый выпуск словаря. Здесь не имеет смысла повторять то, что уже было сказано раньше. Можно лишь отметить дополнительно, что алфавитная последовательность во втором выпуске, как и в предыдущем, касается в сущности только корней, тогда как производные от этих корней и сложения корней с предлогами-приставками занимают подчиненное место внутри таких алфавитных статей, иногда образуя особые подразделения. Таким образом, найти нужное слово по-прежнему трудно, если речь идет о производных формах. Многое, что должно было бы стоять рядом в сравнительном словаре славянских языков, здесь разобщено. Так, ст.-слав. *въвити* 'быть повивальной бабкой, принимать роды' и болг. *бáбъа* 'принимать роды, пеленать' рассматриваются вне связи друг с другом, хотя они и продолжают одну общую форму. Принятый в словаре порядок, затрудняющий задачу читателя, едва ли помогает и авторам в учете всего материала. Многие соответствия при этом ускользают от их внимания. Так, на стр. 130 приводится словен. *zabêla*, *zâbel* 'жир, сало, чем заправляют пищу', а существующее тождественное болгарское образование среди перечисляемых в этой статье болгарских слов с тем же корнем отсутствует.

Чтобы дать правильное представление об этом новом словаре, необходимо отметить, что он фиксирует огромный материал, в чем особенно убеждает сплошное чтение также и настоящего второго выпуска. Ср. богатство примеров сложений со вторым компонентом *-butъkъ* (стр. 97—99). Правда, стремление авторов дать как можно больше материала в наших глазах сильно обесценивается вполне осознанным отсутствием организующего начала во многих случаях. Выражение «das Material ohne Aufgliederung» (стр. 82) вполне отражает этот принцип авторов и характер всего известного нам труда в целом. В порядке реакции на прочитанное можно лишь сказать, что в работах такого рода композиция материала — это, по крайней мере, половина методологии. Наша критика, естественно, направлена против слабой расчлененности материала в словаре Садник и Айцетмюллера, в частности — против отсутствия расчлененности образований там, где она диктуется их структурой и этимологией. Мы имеем в виду случаи ошибочного отнесения слов к определенному корню. Не может считаться доказанной связь польск. *butrym* 'толстяк, бутуз' и глаголов *bucić się*, *butnieć* 'гордиться, чваниться' (стр. 71). Укр. *баламѣтити* и *каламѣтити* авторы считают связанными в том смысле, что второе из них — рифмованное образование от первого

(стр. 125): нам представляется сближение этих двух слов вторичным, первоначально же к духовному миру человека относилось только *баламўтити* 'смущать, вносить смуту (словами, речью)', а *каламўтити* в своем первом компоненте содержит основу *кал-* и его первичное значение 'мутить воду'.

Некоторые частные замечания вызывает этимологизация, которая носит в словаре по-прежнему подчиненный характер. Русск. *бахмўр* нельзя объяснять из первоначального сочетания с *ра-*, которое потом было якобы ассимилировано подобно тому, как это имело место в болг. *баберки* < *náberки* (см. стр. 61). Возведение чеш. *obetknouti* 'набить, напихать', польск. *obetkać* то же к **bъt-* в отличие от *obetkati*, *obetkać* 'umweben, umwirken' < *tъkati (стр. 74) представляется по меньшей мере искусственным.

Помимо традиционной праславянской транскрипции (*botěнь, *bogatъ*), авторы прибегают также к менее распространенной в литературе записи, например праслав. *bagnā, *bagūnā вместо **bag(ъ)no*; *ākūnā вместо *okъno (стр. 112), что рождает разнбой, не говоря о более серьезных возражениях. Так, символ *й* (вместо *ъ*) в тех случаях, когда мы говорим о собственно праславянском периоде, следует признать устаревшим и неверным знаком. Встречающиеся в словаре высказывания об аблауте *a : u* в славянском могут показаться сомнительными в столь кратком изложении. Речь идет большей частью об ономастопеях *bat-|but-*, *bax-|bux-*. Фактических ошибок и опечаток в данном выпуске мало, ср. *Bankonyer Wald* (дважды — на стр. 113 и 114), нужно: *Bakoncyer Wald* 'Баконьский лес' (в Венгрии). В остальном несогласие с концепцией словаря не мешает нам признать тщательность его подготовки и культуру обработки материала.

О. Н. Трубачев

**«Słownik starożytności słowiańskich»,
pod red. W. Kowalenki, G. Labudy,
T. Lehra-Spławińskiego, t. I, część 2 (C—E).
Wrocław—Warszawa—Kraków, 1962, стр. 217—481;
t. II, część 1 (F—H), 1964, 235 стр.**

Продолжается публикация «Энциклопедического очерка культуры славян с древнейших времен до конца XII в.» (как гласит подзаголовок этого словаря), первую часть которого мы кратко охарактеризовали с точки зрения лингвиста и этимолога в томе «Этимологии» за 1963 г. Помещенное в предыдущей рецензии общее описание принципов и рамок этого труда, осуществляемого целиком силами польских ученых, освобождает нас от необходимости прибегать здесь к общей оценке. К тому же это исключается и комплексным характером данного «Словаря славянских древностей», охватывающего разнообразнейшие области истории и доистории, культуры и искусства славян.

Настоящую краткую рецензию, которая, как и предыдущая, посвящена исключительно отражению вопросов языкознания и этимологии во вновь вышедших частях «Словаря», начнем с констатации отрадного факта, что различные лингвистические дисциплины занимают в этом коллективном труде почетное место. Это явствует из целого ряда данных. «Словарь славянских древностей» очень полно отражает известные славянские личные собственные, этнические, местные, водные, мифологические названия и может поэтому играть роль исторического справочника по славянской антропонимии, этнонимии, топонимии и гидронимии. Далее, «Словарь» включает ряд довольно обстоятельных статей по языковым связям и контактам славянских народов с кельтами, финно-уграми, греками, по заимствованным элементам в славянских языках; эти статьи принадлежат перу виднейших польских языковедов (Курилович, Лер-Сплавинский, Славский), отражают важнейшую про-